

Джордж Райт

Холодильник

У Стивена Брука сломался холодильник.

На первый взгляд, проблема не была критической. Холодильник не перестал холодить вовсе - внутри лишь стала образовываться вода. Явившийся на вызов ремонтник объявил, что требуется всего-навсего замена термостата - прибавив, правда, что сейчас у него термостата для такой старой модели нет, и он позвонит, когда сумеет найти таковой. Неделю спустя Стивену надоело подтирать лужу, натекавшую под дверью холодильника, и он позвонил сам (что вообще-то ненавидел делать). Голос в трубке, как ни в чем не бывало, сообщил ему, что, поскольку модель много лет как снята с производства, отыскать для нее термостат невозможно, и Стивену придется приобретать новый холодильник.

Хорошая сторона состояла в том, что это не означало дополнительного удара по и без того остродефицитному бюджету Стивена. Свое жилье он снимал (это была крохотная пристройка к основному дому, где жили более состоятельные арендаторы), и, стало быть, все расходы по ремонту и замене бытовой техники лежали на домовладельце (который сам проживал на другом конце города). Плохая сторона состояла в том, что Стивен чертовски боялся вводить домовладельца в дополнительные расходы, дабы тот, в свою очередь, не поднял арендную плату. Так что о новом холодильнике - новом в буквальном смысле - лучше было не заикаться, и оптимальным вариантом было найти по дешевке подержанный.

К счастью, магазин, торговавший подобной техникой, был совсем неподалеку (что тоже было критично для Стивена, последнюю машину которого доела ржавчина шесть лет назад, как раз вскоре после переезда в его теперешнее жилье), и там ему удалось отыскать именно то, что нужно - более новый и при этом заметно более вместительный по сравнению с предыдущим (но при этом все же способный, хотя и впритык, пройти в дверь его квартирке) холодильник General Electric всего за \$110. "Старая добрая Америка, - подумал Стивен. - Не какая-нибудь китайщина." Он отправил e-мэйл домовладельцу (это было куда приятнее, чем звонить), получил от него согласие и оформил заказ.

На следующий день двое грузчиков сперва вытащили на улицу его старый холодильник, а потом, пыхтя и крякая, кое-как пропихнули внутрь новый. Его лишний объем (на самом деле совершенно не нужный Стивену, который жил один и, не имея машины, чисто физически не мог доставить из магазина сразу много продуктов), как выяснилось, создал проблему не только грузчикам - микроволновка, которая у Стивена стояла на холодильнике и прежде находилась на самой удобной высоте, теперь оказалась на фут выше. Но это было не так уж страшно. Стивен решил, что он привыкнет. Он воткнул штепсель в розетку, и холодильник послушно заурчал. Совсем негромко - тише, чем предыдущий. И, хотя Стивен был не из тех, кого бесят звуки моторов и вентиляторов - на монотонные шумы он сразу переставал обращать внимание - это обстоятельство он тоже записал в плюс. Отпустив грузчиков, он принялся загружать продукты.

В течение вечера Стивен нет-нет да и поглядывал под дверцу холодильника, опасаясь обнаружить там лужу (хотя логика и подсказывала, что новый холодильник едва ли может иметь тот же дефект, что и предыдущий), и пару раз даже заглядывал в морозилку и в основной отсек без необходимости достать продукты, а просто чтобы убедиться, что все в порядке. Но холодильник работал безупречно, и, наконец, иррациональное беспокойство оставило Стивена. Он с облегчением счел проблему решенной и постарался сосредоточиться на работе.

Собственно, работа и была главным источником его проблем. Он был писателем, специализирующимся в жанре ужасов. Но, в отличие от его знаменитого тезки Кинга, это занятие не приносило ему ни славы, ни богатства. Он даже не смог найти агента. До сих пор ему удавалось публиковаться лишь в журналах категории "полупро", плативших от 2 до 4 центов за

слово, и пробиться в категорию "про", где гонорары начинались от 5 центов, никак не выходило. Вершиной его карьеры пока что была повесть, опубликованная в сборнике, изданном Лавкрафтианским обществом - и на нее даже было два хвалебных отзыва от профессиональных критиков (каждый размером в абзац), но дальше этого дело не пошло. Стивен утешал себя тем, что его любимого Лавкрафта при жизни тоже не печатали (да и Кинга признали далеко не сразу), однако это утешение никак не помогало оплачивать счета. Его мизерных гонораров на это не хватало, от наследства родителей, на которое Стивен в свое время рассчитывал, ему не досталось практически ничего - все съели их медицинские счета, так что Брук едва сводил концы с концами при помощи разовых подработок, какие мог найти в интернете, вроде написания эссе для ленивых студентов. Стивен искренне не понимал, зачем платить деньги за учебу, если не хочешь учиться - как, впрочем, не понимал он и зачем платить деньги за лечение, кончающееся смертью пациента - но если последнее фактически пустило его ко дну, то первое, наоборот, помогало хоть как-то держаться на плаву.

Помогало, правда, не слишком хорошо, и будущее, если оценивать его с точки зрения бесстрастных законов арифметики, вырисовывалось в мрачных цветах. Но Стивен верил, что сможет все изменить. Что он напишет, наконец, книгу, которая пробьет непрошибаемую стену равнодушия агентов и издателей и проложит ему дорогу к славе и богатству. Брук, однако, догадывался, что эта книга не должна быть еще одним подражанием Лавкрафту, коих в интернете уже многие тысячи, если не миллионы. Нужна была некая совершенно новая идея, которая заставила бы похолодеть даже ко всему привычных литагентов и редакторов. Нагнать на них inferнальной жути, сломать их традиционно скептическое отношение к любым ужасикам как к досужим фантазиям, вызвать у них дрожь при мысли "а что, если ЭТО - правда?!" Вернуть им то чувство, которое они испытывали только в детстве, слушая страшные истории у ночного костра... Дело было за малым - придумать такую идею и такой сюжет. И вот с этим-то у Стивена были проблемы. Вампиры, зомби, демоны - все это, понятное дело, не годилось, все это настолько зажевано третьеразрядными фильмами, что теперь уже даже те самые дети у костра не способны принять такое всерьез. Лавкрафт придумал своих собственных чудовищ, но даже и они теперь превратились в набор интернет-мемов. Можно было придумать новых, но и они останутся для читателя всего лишь очередной расой из компьютерной игры. Разыграть мистификацию в жанре mockumentary - мол, публикуемые записи - это все, что осталось от человека, исчезнувшего при загадочных обстоятельствах? Нет, после всех "Ведьм из Блэр" и иже с ними на такое тоже никто не купится. Хорошо было Лавкрафту... впрочем, не очень, его тоже не печатали... хорошо было Эдгару По в эпоху, когда не было ни интернета, ни Голливуда!

Идею написать готический роман Стивен тоже отверг - опять-таки, современного пресыщенного читателя не проймешь сказочками про бесконечно далекую от него старину (да и, откровенно говоря, Брук не очень хорошо разбирался в истории и боялся наделать ошибок, которые высмеет какой-нибудь педант-критик). Нет, нужно было нечто, что соединит древний архетипический страх - идущий с тех времен, когда рациональный скепсис еще не воздвиг в человеческой психике свои защитные барьеры - с повседневной, бытовой обыденностью, реальность которой не вызывает ни сознательных, ни подсознательных сомнений. Стивен шерстил интернет (все же и от такового была польза, вынужден был он признать), штудировав статьи о страхах и фобиях. Он почерпнул оттуда немало интересного - узнал, например, о существовании трипофобии, страха перед скоплениями небольших отверстий, вроде тех, через которые выдавливается фарш из мясорубки. Стивен, никогда прежде не испытывавший такого страха или дискомфорта, задумался и пришел к выводу, что что-то в этом есть, особенно когда дырочки не правильные и регулярные, как в технических устройствах, а различаются по форме и размеру и расположены несимметрично, как на срезе чего-нибудь биологического (тем более что статья об этом была проиллюстрирована довольно неприятным фото ладони, которая была вся испещрена подобными дырками вследствие, вероятно, какой-то кожной болезни). Но все-таки на

идею для бестселлера в жанре ужасов это не тянуло.

Таким образом, просидев за компьютером допоздна, Стивен в очередной раз так и не прибавил ни строчки к будущему роману. В конце концов, убедившись, что сегодня он уже ничего из себя не вымучает, Стивен отправил компьютер в спящий режим, выпил стакан апельсинового сока (холодильник по-прежнему работал безупречно, и хотя бы это радовало) и, завалившись на кровать, последовал примеру компьютера. Бесспорным преимуществом его крохотного жилья было то, что все здесь находилось рядом - расстояние от "работы" до "кухни" и от "кухни" до кровати не превышало двух шагов.

Проснулся он глубокой ночью - а вовсе не утром, как ожидал.

В первый момент он не понял, что его разбудило. Стояла абсолютная темнота. Окно его жилища выходило на тупиковую улицу, не освещенную ни фонарями, ни даже, по причине новолуния, луной; на противоположной стороне этой улочки, такой узкой, что на ней не разъехались бы две машины, была лишь сплошная стена деревьев и кустов, за которой скрывалось заросшее озеро, никем обычно не посещаемое даже днем (оно так и называлось - Hidden Lake). В комнате не светился ни один огонек - даже индикатор микроволновки, которую Стивен выдергивал из розетки, когда не использовал, с целью максимальной экономии электроэнергии.

Тишина тоже была абсолютной. Даже холодильник не урчал - что, впрочем, было совершенно естественно, учитывая циклический характер его работы. У Стивена мелькнула мысль, что именно прекращение этого тихого гудения - совершенно незаметного днем, но более отчетливого на фоне ночной тишины - и стало причиной его пробуждения. Но затем в памяти всплыло ощущение, что это была все-таки не внезапно наступившая тишина, а звук. Станный звук. Совершенно неуместный в его одиноком жилище. Пугающий. То ли чей-то вздох, то ли всхлип, то ли стон...

Стивен лежал в темноте, не шевелясь, и прислушивался. Прежде ему доводилось просыпаться от звуков, издаваемых тараканом, гложущим что-то в мусорном ведре или, что гораздо хуже, в коробке с печеньем. Флорида - прекрасный штат для тех, кто любит тепло, но тараканы здесь длиной в полпальца и даже способны летать... Но вздыхать или плакать они не способны даже здесь. Возможно, звук донесся от соседей? Но, несмотря на всю скромность арендуемой Стивеном каморки, соседские звуки в нее обычно не проникали. Он слышал только, когда они включали стиральную машину, находившуюся сразу за стенкой - но больше ничего. Ни телевизора, ни разговоров, ни каких-нибудь ссор, результатом которых могли бы быть стоны и всхлипы. Соседи вообще - насколько мог судить Брук, не стремившийся общаться с ними, как, впрочем, и с кем-либо еще - были спокойной парой не первой молодости, к большому облегчению Стивена - без детей, и обитателя пристройки обыкновенно не беспокоили ни днем, ни тем паче ночью. У них, правда, была собака, пожилая флегматичная такса, но она почти никогда не лаяла - и, опять же, звук, разбудивший Стивена, совсем не походил на собачий лай, вой или скулеж. К тому же Стивен вспомнил, что вроде бы слышал вечером, как отъехала их машина - должно быть, укатили куда-то на уик-энд, прихватив, очевидно, таксу с собой. А тот звук... нет, он точно донесся не из-за стенки и не с улицы. Он прозвучал *внутри* его жилища - теперь Стивен был в этом уверен.

Но этого же не может быть, сказал он себе (продолжая, однако, лежать на спине неподвижно и вслушиваться в тишину). Ну не грабитель же забрался к нему, в самом деле. Во-первых, любому грабителю понятно, что в этой маленькой пристройке нечего брать, а во-вторых, взломщик не стал бы стонать и плакать. Разве что от разочарования отсутствием добычи, усмехнулся Стивен про себя, но что-то все же мешало ему просто встать, зажечь свет и убедиться, что в его каморке все в порядке.

Да полно, был ли вообще звук? Может быть, эти стоны и всхлипы ему просто приснились? Стивен уже почти убедил себя в этой мысли, как вдруг звук прозвучал снова.

Негромкий, но протяжный тоскливый всхлип. Затем еще один.

Звук исходил из холодильника.

Тут уже Стивен вскочил с кровати и в темноте распахнул дверцу. Зажегшийся внутри свет озарил стерильно белые стены и прозрачные полки, на которых лежали не очень многочисленные продукты - и, разумеется, ничего кроме этого. Стивен нащупал выключатель лампы, стоявшей на кухонном столике, и при ее свете заглянул также и в морозильник. Там покоилась одинокая пачка дешевого соевого спреда с пафосным названием "Imperial". Вентилятор не крутился - как и должно быть во время фазы отключения компрессора. Никаких звуков холодильник больше не издавал. Стивен некоторое время смотрел внутрь обоих отделений, затем закрыл обе дверцы, погасил свет и снова улегся на кровать.

Он не знал, что думать об услышанном. Если самые первые звуки он мог счесть искажением, которое сон наложил на реальность, то во второй раз он совершенно точно не спал и слышал все вполне ясно. И это не походило на обычный бессодержательный шум, издаваемый техническими устройствами. Это звучало, как голос некоего... существа. Страдающего существа.

Впрочем, Брук, написавший множество мистических историй, в жизни был скорее скептиком. Он не то чтобы отрицал саму возможность потустороннего, но предпочитал в первую очередь искать рациональное объяснение. В конце концов, так было спокойнее. И он знал про такое явление, как парейдолия - склонность человеческой психики интерпретировать как осмысленные образы случайные сочетания пятен или звуков. Например - видеть силуэты животных и людей в очертаниях облаков или в игре теней и света на стене. Чаще всего говорят именно о зрительной парейдолии, но бывает и слуховая. Люди слышат отдельные слова и даже фразы в наборе шумов, таких как радиопомехи - особенно если хотят их там услышать. Так что, если во сне его подсознание интерпретировало случайные звуки, издаваемые холодильником в фазе отключения, как плач и стон, то нет ничего удивительного в том, что его психика, уже настроенная соответствующим образом, восприняла эти звуки так же и в бодрствующем состоянии.

Придя к такому выводу, Стивен уже начал снова засыпать - и тут звуки раздались снова. Протяжный, тяжелый вздох, потом приглушенный сдавленный стон - как бы от невыносимой боли, когда стонущий зажимает себе рот и нос, боясь себя выдать, но не может сдержаться (а может, ему зажимает лицо кто-то другой) - а затем опять тихие всхлипывания.

Причем, похоже, плакала женщина.

На этот раз Стивен не стал сразу вскакивать. Некоторое время он лежал, убеждая себя, что это всего лишь иллюзия, что он слышит то, что ожидает услышать - но плач звучал чертовски натурально и убедительно. Тогда Брук осторожно поднялся и крадучись, словно боясь спугнуть источник звуков, подошел к холодильнику, а затем прижался ухом к его белой стенке на высоте морозильной камеры.

Звуки определенно исходили изнутри. Теперь Стивен слышал их яснее. И теперь у него не было никаких сомнений - голос был женский.

Стивен нашарил в темноте выключатель лампы и повернул его, одновременно другой рукой резко распахивая дверцу морозилки. Звук сразу же прекратился. Внутри по-прежнему не было ничего, кроме все той же початой пачки "Империала". Стивен, сам не зная для чего, вытащил ее, заглянул внутрь, потом остался стоять, глядя в совершенно пустую морозильную камеру, словно рассчитывая, что плач начнется снова. Но стояла полная тишина. Наконец термостат отреагировал на рост температуры и снова запустил компрессор. Стивен даже вздрогнул от этого звука - хотя как раз в нем не было абсолютно ничего необычного. И нет, никакое подсознание, ожидавшее иного, не преобразовало это тихое монотонное гудение в плач, стон или вздохи. Стивену ничего не оставалось, как снова вернуться в кровать.

За оставшуюся часть ночи холодильник будил его еще дважды или трижды. В последний раз Стивен даже вытащил все продукты, а также нижние ящики для овощей. Ему пришлось в

голову, что где-то внутри может быть спрятано маленькое звуковоспроизводящее устройство, что-то вроде mp3-плеера (хотя он никогда не слышал настолько громких плееров). Забытое там, допустим, прежним хозяином холодильника - хотя кому может понадобится класть подобный гаджет в холодильник, да еще включенный, да еще с такой странной записью?! Скорее уж - оставленное там специально в качестве розыгрыша для нового владельца. Мысль была, конечно, довольно нелепой - но все же менее нелепой, чем вздыхающий, стонущий и плачущий холодильник. В конце концов, бывают люди с очень своеобразным чувством юмора... Но, разумеется, ничего подобного внутри не оказалось, да и спрятать что бы то ни было среди гладких белых стен и прозрачных полок было совершенно негде. В конце концов Стивен загрузил все обратно и снова улегся на кровать. На этот раз он долго ворочался и заснул лишь в предзвездных сумерках.

Проснулся он уже ближе к полудню. Сквозь опущенные жалюзи на окне пробивался яркий солнечный свет. Была суббота, что, впрочем, не особо интересовало Стивена, благо профессия писателя, при всех ее финансовых минусах, по крайней мере избавляла его от необходимости вставать по будильнику в какой бы то ни было день. Но пересып бывает еще хуже недосыпа, и долгий сон не принес Стивену бодрости. Напротив, он поднялся с постели разбитый и с явно начинающей болеть головой. Страдальчески морщась, он полез в холодильник, чтобы взбодрить себя хотя бы стаканом холодного сока - и только тут вспомнил о ночных событиях, помешавших ему выспаться без помех и в срок.

Холодильник работал исправно - во всяком случае, если судить по температуре сока - и никаких необычных звуков не издавал. Собственно, обычных звуков от него Стивен тоже не слышал за типичными шумами дня - где-то жужжала газонокосилка, за окном чирикали птицы, в вышине прогудел самолет. Однако, приложив ухо к боку холодильника, Брук различил мерное гудение компрессора и вентилятора - и ничего, помимо этого. Впрочем, он помнил, что всхлипы и вздохи раздаются только тогда, когда компрессор отключается.

Тут же у него мелькнула трусливо-успокоительная мысль: а что, если ночные происшествия ему просто приснились? Однако буквально в следующее мгновение он заметил под лампой на кухонном столе размякшую пачку "Империала", которую забыл убрать обратно. Нет. Это был не сон.

Так что же это было? Техническая неисправность? Или... Брук помассировал лоб над правым глазом - без особого успеха. Голова, похоже, намеревалась разболеться всерьез. Пить ли таблетку, или все-таки пройдет само? Стивен старался избегать таблеток без крайней необходимости. Аспирин вреден для желудка, а ибупрофен - для сердца. И, кроме того, лекарства стоят денег, а бюджет Стивена оставался дефицитным уже который месяц. По крайней мере до тех пор, пока он не напишет книгу, которую сможет продать - а с больной головой он точно не сумеет выдать из себя ни строчки. И если холодильник будет регулярно мешать ему спать...

Проще всего, конечно, было бы просто вернуть агрегат в магазин. Но он подержанный, а не новый, на него нет гарантии. И кроме того, это означало бы, что всю канитель с заменой холодильника надо начинать заново. Искать другой холодильник, который подойдет как по габаритам, так и по цене, опять договариваться с домовладельцем, который явно будет не в восторге от необходимости оплачивать новую доставку... Все же Стивен решил еще раз навеститься в магазин. Может быть, удастся договориться, чтобы они все заменили без лишних трат. В конце концов, если они продали неисправный холодильник, то это их вина! По субботам они наверняка закрываются рано, может быть, даже сразу после полудня, так что надо поспешить. Да и ему полезно будет прогуляться, глядишь, голова все-таки пройдет сама...

Идея прогуляться по полуденной флоридской жаре оказалась явно не из числа удачных. Хотя идти было всего десять минут, к тому времени, когда Стивен, наконец, вошел в кондиционированное нутро магазина, его рубашка была мокрой насквозь, а голова лишь

разболелась еще сильнее. И такой же крах потерпели и остальные его надежды. Все выставленные на продажу холодильники были существенно дороже, и при этом большинство из них не прошло бы в дверь его жилища (один был, напротив, слишком маленьким, высотой всего по пояс). Собственно, так же дела обстояли и два дня назад, но у Стивена была надежда, что за это время на продажу выставили что-нибудь еще. Однако - увы. Дважды обойдя по кругу небольшой торговый зал, словно в надежде, что он не заметил подходящий вариант с первого раза (нет ведь ничего легче, чем не заметить такую хреновину, как холодильник, не так ли?), Стивен перешел к самому неприятному - разговору с продавцом.

- Я купил у вас холодильник, и он работает неправильно, - заявил он, старательно напуская на себя решительный вид человека, который знает все свои права и своего не упустит.

- Не холодит? - равнодушно осведомился продавец, здоровенный негр на голову выше Стивена.

- Нет, он холодит, - вынужден был признать Брук, - но он издает... странные звуки.

- Во время отключения компрессора?

- Да, да! - радостно подтвердил Стивен. Выходит, они тут знают о проблеме, и ничего не придется доказывать. Возможно, он уже не первый покупатель, который возвращает этот холодильник, но эти типы все еще не потеряли надежду продать его. В конце концов, у большинства людей холодильник стоит на кухне, а кровать - в спальне, а не в двух шагах от него, и не всем эти ночные всхлипы мешают спать. Не все их даже услышат хотя бы раз...

- Так это обычное дело, - пробасил негр покровительственным тоном специалиста, просвещающего "чайника". - Холодильники в этой фазе издают самые разные звуки. Бульканье, журчание, звук, словно кто-то пытается прочистить горло. Иногда - постукивания и потрескивания. Все это абсолютно нормально. Это циркуляция хладагента и неравномерный нагрев и охлаждение металлических и неметаллических частей.

- Я живу на свете не первый день и слышал звуки, которые издают холодильники, - возразил Стивен, раздраженный его снисходительным тоном. - Но никогда - *такие*.

- Разные модели ведут себя по-разному, - ответил негр все так же покровительственно.

- Но не так! - воскликнул Стивен и вдруг понял, что ему совсем не хочется конкретизировать. "Мой холодильник стонет и плачет." Пожалуй, этот тип посоветует ему обратиться к психиатру. - Он... издает звуки, похожие на... человека, - закончил Стивен более нейтрально.

- Как будто кто-то прочищает горло, как я и говорил, - кивнул продавец. - Циркуляция хладагента.

- Больше похоже на... вздохи и всхлипы.

- Движение жидкости по трубам может походить на что угодно.

- Но эти звуки мешают мне спать!

- Так бывает, когда в доме появляется новая техника, - негр был невозмутим и непробиваем. - Через пару дней вы привыкнете и перестанете это замечать. Ну или передвиньте вашу кровать в другое место. ("Было бы куда!" - подумал Стивен.) Так или иначе, для холодильника это нормальный режим работы, - закончил продавец.

- Скажите, - прищурился Стивен, - вам ведь уже пытались вернуть этот холодильник? Я ведь не первый, кто жалуется?

- Не думаю, сэр, - качнул головой негр, впервые назвав его "сэром". - Не могу припомнить, чтобы у нас были возвраты в последнее время. Конечно, это подержанный холодильник, а не новый, вы же понимаете. То есть у него уже был какой-то владелец. Но почему он или она решили его продать - этого мы, разумеется, знать не можем...

- А можно узнать, кому холодильник принадлежал прежде? - перебил Стивен.

- Не думаю, сэр, - повторил продавец.

- Но ведь вы заплатили ему. Этот факт должен быть отражен в вашей бухгалтерии.

- Там только "такая-то модель куплена за столько-то". Мы не храним личные данные ни продавцов, ни покупателей. А если бы даже и да, мы бы не могли делиться ими с посторонними. В любом случае, мы тщательно проверяем всю технику, прежде чем выставить ее на продажу, и могу вас заверить, что ваш холодильник полностью работоспособен.

Стивен понял, что больше ничего не добьется. То есть, может быть, если он будет сильно настаивать, ему все-таки вернут деньги - но где он найдет другой холодильник по такой же цене, а домовладелец явно отнесется к его жалобам не с большим пониманием, чем этот тип. А может, продавец и прав, и к этим звукам надо просто привыкнуть? В конце концов, он спокойно спит под газонокосилку, но при этом просыпается от звуков, которые издает гложущий пищу таракан. Потому что первое нормально, а второе нет. И если он перестанет воспринимать звуки холодильника как неправильные и, говоря откровенно, пугающие...

Вернувшись домой (и все-таки вынужденный выпить таблетку, ибо голова таки разболелась не на шутку), он все же решил позвонить в ремонтную контору. Конечно, вызвать ремонтника на дом можно было только либо за счет домовладельца, либо за свой собственный - оба варианта Стивену категорически не нравились (особенно учитывая, что холодильник все же исправно выполнял свою основную функцию) - но, возможно, все-таки удастся получить у них бесплатную консультацию по телефону, может ли циркуляция хладагента порождать именно то, что он слышал? Скорее всего, конечно они станут юлить и говорить, что что-то сказать можно только после личного осмотра агрегата мастером - но вдруг... Однако в трубке раздался лишь голос автоответчика, посоветовавшего звонить в рабочее время - к коему суббота, как выяснилось, не относилась. Более того, Стивен вспомнил, что они не откроются и в понедельник, ибо это будет День Труда¹ (его всегда забавляло, что в День Труда никто не работает, но сейчас он не был настроен иронизировать). Стало быть, терпеть фокусы холодильника - и гадать по поводу их причины! - ему придется еще как минимум три дня.

Стивен снова подошел к холодильнику и приложил ухо к стенке. Тишина. Была, очевидно, очередная стадия отключения компрессора - но на сей раз без всяких вздохов и плачей.

А может, все уже и закончилось? Холодильнику просто нужно было время, чтобы приработаться после того, как он долго стоял выключенным, а потом лежал на боку в грузовике. А теперь он вошел в стабильный режим. Продавец прав - все это чисто технический вопрос. Перетекание жидкости по трубам.

А он что, в самом деле готов был поверить, что у него в холодильнике обитает привидение?

Теперь, когда загадочные звуки прекратились, Стивен уже почти жалел о том, что все закончилось так прозаически. Ведь это, пожалуй, даже могло бы стать основой для книги, которую он тщетно силится написать!

Стивен даже удивился, что эта очевидная мысль не пришла ему в голову раньше. Должно быть, мешал плохой сон, головная боль (всегда начисто лишавшая его работоспособности) и вызванное всем этим раздражение. Но теперь, по мере того, как принятая таблетка все же оказывала свое действие, он начал быстро проникаться новой идеей. Не столь уж даже важно, было привидение или нет на самом деле - важно, что это неплохая завязка для романа в жанре "хоррор". Может, это как раз и есть то, что он искал! Идея, связывающая потустороннюю жуть с чем-то совершенно реальным и привычным, являющимся неотъемлемой частью в повседневной жизни читателя и тем самым преодолевающая его недоверие к типичной для жанра экзотике вроде древних захоронений и заброшенных домов в глуши. Холодильник - что может быть

¹ Государственный праздник США, отмечаемый в первый понедельник сентября. Большинство американских праздников, являющихся нерабочими днями, привязаны не к конкретной дате (исключая такие, как День Независимости или Рождество), а к первому понедельнику определенной недели, чтобы, сливаясь с выходными, образовывать длинный уик-энд.

обыденней? Ни один современный человек не мыслит без него существования. Холодильники есть абсолютно у всех - даже у тех, кто обходится без машины, телевизора, компьютера, даже без мобильного телефона. Особенно, конечно, в таком климате, как флоридский. Впрочем, даже и на Аляске никто уже не хранит летом продукты в погребе. А ведь если вдуматься, холодильник - это довольно-таки зловещая вещь. В холодильниках, например, нашли свою смерть множество детей, которые залезли внутрь и задохнулись. Правда, это относится только к старым моделям, у которых ради пушей герметичности дверца защелкивалась на замок, открыть который можно было, лишь потянув за ручку снаружи. Сейчас так уже не делают, именно по причине всех этих смертей - и все равно закон до сих пор запрещает выставлять неисправный холодильник на улицу, чтобы туда не забрался какой-нибудь ребенок.

Кстати, тот ночной голос, который показался Стивену женским - не был ли он на самом деле детским? Хотя, конечно, приобретенный им холодильник был куда новее тех древних агрегатов, и его дверцу открыть изнутри было можно. Но это в реальности - где, конечно, не было никакого призрака - а вот в книге никто не мешает ему написать, что... Да и к тому же герметичность холодильникам все равно нужна, поэтому даже у современных моделей открытие дверцы требует некоторого усилия, которое для маленького ребенка может оказаться чрезмерным. Опять же, у ребенка может случиться приступ клаустрофобии - особенно если его закрыли в холодильнике пожелавшие жестоко пошутить сверстники или старший брат. А про фобии Стивен прочитал уже достаточно и знал, что вызываемая ими паническая атака может повлечь самые серьезные последствия (особенно если накладывается, скажем, на болезнь сердца или астму). Так что закон до сих пор не отменен, наверное, не зря...

А еще, продолжал размышлять Брук, в холодильниках хранят трупы. То есть, конечно, холодильники в моргах внешне совсем не похожи на бытовые, но принцип-то у них тот же. Да и бытовые холодильники, на самом деле, служат именно для этого - хранения расчлененных и целых трупов. Не человеческих, конечно, а коровьих, свиных, птичьих или рыбьих, но все равно... Сам Стивен, несмотря на все кровавые ужасы, которые описывал в своих историях, был вегетарианцем, но в каком-то смысле даже сорванные овощи и фрукты - это мертвая органика. Холодильник не дает мертвому разложиться. Он нарушает естественный порядок вещей, насильственно оставляя мертвое в мире живых, где ему не место...

Да и вообще, холод всегда ассоциировался со смертью. Или с чем-то, что еще страшнее смерти. С inferнальным ужасом, поджидающим *после* нее. На самом дне Дантова ада - не огонь, а лед. Внезапный холод считается одним из признаков появления привидений. А мы создали устройство, приводящее холод в мир. Сама идея такого устройства представлялась Стивену, в некотором смысле, противоестественной. Как если бы существовал фонарь, который излучает не свет, а темноту. Не какой-нибудь там невидимый инфракрасный или ультрафиолетовый свет, а именно темноту, которая гасит всякий свет там, куда попадает такой луч. Такого не может быть, ведь темнота не существует сама по себе, она - всего лишь отсутствие света. А холод - отсутствие тепла. Как можно генерировать тепло, понятно и очевидно, в него превращается излучаемая энергия, но как можно излучать отсутствие тепла? Антитепло? Если не излучать совсем ничего - будет температура окружающей среды, а как можно опуститься ниже этой температуры? Стивен, конечно, знал, как это объясняет учебник физики (хотя у него со школы были сложные отношения с этим предметом) - "рабочее тело охлаждается при расширении" - но ему чудился в этом некий подвох. Мол, ученые договорились считать, что это все объясняет, а какова истинная первопричина этого охлаждения, никто на самом деле не знает.

И кто знает, подумал он теперь, порталы в *какие* места может открывать этот противоестественный, искусственно создаваемый холод - или устройства для его получения, стоящие у каждого из нас дома?

Ну то есть не то чтобы он поверил во все это всерьез. Но для книги - чем не идея?

Так что, когда голова, наконец, прошла, Стивен уселся за компьютер, и работа над романом впервые за много дней сдвинулась с мертвой точки. Холодильник тем временем более не издавал никаких необычных звуков. На протяжении дня Стивен несколько раз прикладывался к нему ухом и не слышал вообще ничего - даже того обычного негромкого журчания и побулькивания, о которых говорил продавец и которые Бруку доводилось слышать от холодильников прежде. Мертвая тишина. Словно бы холодильник, подарив новому хозяину идею, счел свой долг исполненным и решил больше ему не мешать. Свою основную функцию он, впрочем, продолжал исправно выполнять.

Этим вечером Стивен, наконец, встал из-за компьютера, довольный собой - да и вообще с чувством, что жизнь налаживается.

И проснулся от звука мучительного стона. Словно кто-то с зажатым ртом не мог сдержаться.

На сей раз он не стал говорить себе, что ему это приснилось. Тем более что стон вскоре повторился, а затем перешел в рыдания. Да, уже даже не тихие всхлипы, а настоящие рыдания женщины или ребенка.

Циркуляция хладагента? Черта с два! Интересно, что бы сказал тот продавец, заслышав эти звуки - особенно вот так, ночью, в темноте и полном одиночестве? (Стивен помнил, что его соседи уехали на длинный уик-энд). Небось, весь посерел бы, несмотря на все свои габариты...

Стивен протянул руку с кровати, нашаривая лежавший на краю компьютерного стола телефон. Нажал кнопку сбоку, пробуждая экран. 1:36. Стивен понял, почему бесполезно надеяться продемонстрировать эти звуки не только продавцу, но и ремонтнику, даже если пригласить такового за свои деньги. Потому что ремонтники работают только днем. А концерт в холодильнике начинается после полуночи. Сейчас действует летнее время, вспомнил Стивен, плюс еще надо учитывать долготу... Он поводит пальцем по экрану, отыскивая нужный пункт в приложении. Да. Астрономическая полночь в его городке наступила в 1:27.

Зловещие звуки из холодильника тем временем продолжались, но светящийся телефон в руке придал Стивену уверенности. В ужастике, каких сам Стивен написал множество, телефон непременно показал бы отсутствие сигнала - но сигнал был. Безлунной ночью в пустом доме на ведущей в тупик улице напротив темного, скрытого сплошной стеной зарослей озера, никем не посещаемого даже днем, в двух шагах от того, *что* жалобно стонало и плакало в его комнате, Стивен все-таки оставался на связи с большим миром, материальным и рациональным. Теоретически, он мог бы даже позвонить 9-1-1 - уж они-то обязаны приехать в любое время суток. Что он им, правда, скажет? "В моем холодильнике стонет и плачет привидение"? Ну а если он даст оператору послушать эти звуки? Не уточняя их источник. "Я слышу, как плачет женщина, мне кажется, ей нужна помощь..." Но услышит ли этот плач оператор? И что услышит полиция, когда придет? Возможно, звуки прекратятся, едва они войдут. И в каком положении он тогда окажется? "Ладно, парень, колись, куда ты девал свою подружку. Вы поссорились, ты ее избил, потом решил вызвать помощь, а она умерла раньше, чем мы приехали? И ты решил просто куда-то затолкать ее тело? Так все было? Лучше скажи сразу, где оно, мы же все равно найдем. Времени, чтобы спрятать его как следует, у тебя не было." Понятно, что они ничего не найдут, но сперва перероют все и в его каморке, и во всем доме (что вряд ли понравится соседям и домовладельцу). После чего обвинят его в идиотской шутке и ложном вызове. А главное - что тут вообще может поделаться полиция? Тут надо звонить охотникам за привидениями - жаль, что они существуют только в фильме...

Стивен встал и подошел к холодильнику. Зажег свет. Распахнул обе дверцы. Как и накануне, звуки сразу прекратились. Он погасил свет и закрыл холодильник, но на этот раз не стал возвращаться в постель, а остался стоять и ждать. Ничего. Наконец он устал ждать и повернулся к кровати.

Вздых. Тяжелый, полный бесконечной печали.

Стивен резко развернулся к холодильнику.

- Ты слышишь меня? - хрипло спросил он. - Понимаешь? Дай знак, если да.

Всхлип, потом еще один. Но было ли это ответом? Такие звуки он слышал и раньше.

- Давай так, - предложил Стивен. - Ты можешь стучать? Стукни два раза, если да.

Снова плач. Кажется, он стал еще горше. Но никаких стуков.

А может, она - или он, если это все-таки маленький мальчик - не понимает английского?

Вполне может быть, если это дух какой-нибудь нелегальной иммигрантки. Но Стивен, в свою очередь, совсем не знал испанского. Некстати вспомнилась шутка из интернета: "Учите латынь - в аду с вами по-английски разговаривать не будут!" Но латыни он тоже не знал.

Он подошел к холодильнику и постучал по нему - один, два и три раза. Внятного ответа он снова не получил, но ему показалось, что теперь в промежутках между всхлипами он слышит что-то еще. Он в очередной раз прижался ухом к стенке.

Шепот. Теперь Стивен расслышал его. Он был тихий и неразборчивый, к тому же всхлипывания заглушали его. Сколько Стивен ни вслушивался, он не мог разобрать ни слова - он даже не был уверен, английский это или нет, хотя вроде бы звучало похоже... Можно ли плакать и шептать одновременно, то есть в буквальном смысле? По идее, одно должно чередоваться с другим. Речь должна прерываться на всхлипы. Тут же, чем дольше вслушивался Стивен, тем тверже становилось его впечатление, что одно накладывается на другое. Человек так не может - но это живой человек. Призрак, наверное, не ограничен устройством человеческой гортани...

Стоп - а кто сказал, что это только один призрак? Что, если плачет один, а шепчет другой? А стонет, может быть, и вовсе третий...

Все же интересно, кто был прежний владелец холодильника, подумал Стивен. Пьяный отец, который закрыл там своего сына в качестве наказания, подпер дверь снаружи, а потом заснул? Женщина, которая решила избавиться от нежеланного младенца, засунув его в холодильник в надежде выдать это потом за синдром внезапной детской смерти? А потом, осознав, что наделала, она покончила с собой - вот вам и второй голос... Или же холодильник и вовсе принадлежал маньяку, серийному убийце, который хранил в нем головы и части тел своих жертв - молодых девушек или детей? Тогда голосов может быть не два, а намного больше!

Но разве такой холодильник поступил бы снова в продажу? Полиция должна была изъять его, как улику, а потом... что делают с подобными уликами после вынесения приговора? Стивен не знал этого наверняка, но он сильно сомневался, что их просто отмывают от крови и продают в комиссионный магазин. Скорее всего, их отправляют на утилизацию. Во всяком случае, именно так полиция поступила с его собственной сумкой, когда три года назад он попал в аварию на велосипеде. Ее просто выбросили, вместе со всем содержимым - вернули ему только смартфон, который благополучно пережил аварию и служил Стивену до сих пор. Все остальное они выкинули, мотивировав это тем, что оно было перепачкано кровью (сам Стивен тогда отделался неопасными поверхностными ранами, но крови из них действительно натекло много), а городское отделение полиции-де "не оборудовано для хранения биологических материалов" - нанеся тем самым Стивену ущерб более чем на шестьдесят долларов, который никто и не подумал компенсировать, как и стоимость одежды, которую порезала бригада "скорой помощи" - за что Стивен с тех пор очень сильно невзлюбил и полицейских, и парамедиков. И если так обходятся с собственностью ни в чем не повинных граждан, пострадавших в ДТП, то что уж говорить об имуществе убийц и орудиях их преступлений! Кроме того, как Стивен знал из телепрограмм о реальных преступлениях, полностью отмыть кровь чрезвычайно сложно. Даже если ее следы не видны глазом, экспертиза все равно может обнаружить таковые. А значит, если подобную вещь продать новому владельцу, а потом она будет подвергнута экспертизе в рамках какого-нибудь нового расследования, то это подставит ни в чем не повинного человека.

Стало быть, холодильник серийного убийцы никак не должен был снова оказаться в продаже. Если только... если дело было раскрыто, и холодильником распорядилась полиция. А

не сам маньяк. Чья коллекция голов расширилась настолько, что прежнего холодильника стало мало, и он купил себе новый, более вместительный. А старый спокойно отправил в комиссионку.

И он все еще продолжает убивать.

Стивен уже знал, что пытаться выяснить прежнего владельца через магазин бесполезно. Хотя, возможно, если туда явится не частное лицо, а полиция... Но полицию тоже никак не убедишь, что этого владельца надо найти и проверить. Даже если предположить, что экспертиза все еще может найти в морозилке следы замытой крови - полиция не станет без веских причин проводить такую экспертизу.

Правда, перебил сам себя Стивен, если бы в городе орудовал маньяк, о серии нераскрытых убийств - или исчезновений - писали бы СМИ, причем не только местные. А Стивену не попадалось в интернете ничего подобного. Однако это ничего не значит. Их городок невелик и не особо известен, но все-таки в него, как и в другие города на атлантическом побережье Флориды, приезжают туристы. Из разных штатов и даже из разных стран (вот вам, кстати, и незнание английского!) И если маньяк умен и осторожен в выборе жертв - и особенно если он охотится не только здесь, а разъезжает на своей машине вдоль побережья - то до сих пор никому не пришло в голову свести все эти исчезновения в одно дело. Кого-то из жертв, наверное, даже еще и не хватились там, откуда они приехали...

Но если он, Стивен Брук, раскроет это дело, узнав подробности *от самих жертв* - о, вот тогда его книга станет мировым бестселлером номер один! Уже не просто художественный вымысел, а самая настоящая документальная книга, ДОКАЗЫВАЮЩАЯ существование потустороннего мира!

Стивен возобновил попытки установить контакт с тем, что обитало в холодильнике. Он говорил, прижимаясь ртом к корпусу, стучал в стенки и в дверцы - но так и не добился внятного ответа. Он даже не мог понять, слышат ли его, не говоря уже о том, понимают ли. Плач, стоны и вздохи то прекращались, то начинались снова, но было ли это реакцией на его попытки, или происходило само по себе, как накануне? С уверенностью он установил лишь то, что при открывании что морозилки, что основного отделения звуки мгновенно прекращаются. Также они прекращались с началом работы компрессора - и, наоборот, при выдергивании штепселя из розетки, хотя в последнем случае это происходило не мгновенно. Отключение питания сопровождалось особенно мучительным стоном, словно выражавшим отчаяние беспомощной жертвы, которую лишают последней возможности выразить свое страдание, обрекая на немощь и паралич - так что, проделав такое пару раз, Стивен не решился снова повторять этот опыт. Из его попыток разобрать пробивающийся сквозь плач и стоны шепот тоже ничего не выходило - хотя у него уже не оставалось сомнений, что это осмысленная речь, а не просто бессвязное бормотание и тем более не звуки, лишь напоминающие таковую.

Наконец после всех этих неудачных попыток Стивену пришла в голову мысль, которая, вероятно, более практического человека посетила бы сразу - а именно, записать исходящие из холодильника звуки на телефон и компьютер. Не столько даже для того, чтобы доказать их реальность - никто бы все равно не поверил, что это не монтаж - сколько для того, чтобы попытаться разобрать слова с помощью компьютерной обработки. Стивен, правда, никогда не работал с такими программами - он был писателем, а не звукорежиссером - но полагал, что сможет найти в интернете все, что нужно.

Он дождался очередного отключения компрессора и прижал телефон к белой стенке напротив морозильной камеры - здесь, как он уже убедился, шепот был слышен лучше всего. Долгое время ничего не происходило, и Стивен уже начал думать, не обиделось ли *она* за его предыдущие попытки отключить питание. Но вот из холодильника снова донеслись горестные всхлипы. Он записывал, пока хватало памяти его старого телефона, а затем отправил файл на компьютер.

Первое, в чем он убедился - звук действительно записался. По крайней мере, все это не

было его галлюцинацией. И более того - оказалось, что писался он даже тогда, когда Стивен стоял в долгом ожидании первых всхлипов. Все это время из холодильника звучал шепот. Но он был таким тихим, что уловить его смог только прижатый к стенке микрофон.

Уже имевшийся софт позволил Стивену лишь максимально увеличить громкость, но это не помогло. Это было все равно, что увеличивать нечеткую картинку - звук стал громче, но не яснее. Стивен полез в интернет в поисках более серьезной программы аудиообработки. Положение осложнялось тем, что такие программы стоили приличных, по меркам Стивена, денег, тратить которые ему было жалко (бестселлер и мировая слава - это еще не скоро, а его счет только что оскудел после внесения очередной арендной платы и пока ничем не пополнился), а связываться с пиратскими копиями он опасался. В конце концов он нашел условно-бесплатную версию со сроком действия в 30 дней, сочтя, что этого времени ему более чем хватит.

Едва он начал разбираться с возможностями программы (что оказалось не так просто для человека, никогда прежде не занимавшегося обработкой звука), из холодильника снова послышался плач. "Да погоди ты! - воскликнул Стивен уже с раздражением. - Тебе же помочь пытаюсь!" Он уже знал, что может прекратить мешающие ему звуки, выключив холодильник из розетки, но не решился это сделать. Можно было и открыть дверцу, но Стивен все же не забывал, что холодильник выполняет и свою обычную функцию, и ему не хотелось, чтобы портились его продукты (да и самому холодильнику вредно работать с распахнутыми дверями). "О чем я думаю? - тут же сказал он себе. - У меня там призрак убитой женщины, возможно, даже и не один, а я думаю об инструкции по эксплуатации? Но этот призрак, очевидно, как-то все же связан с нормальной работой холодильника, а значит, лучше таковую не нарушать." Мысль о хранящихся внутри продуктах, впрочем, навела его на новую идею. Он поставил в морозилку блюдце с водой, а в основное отделение - тарелку с ровно насыпанной на дно солью. Быть может, *она* сможет передать ему послание таким образом - заморозив воду в виде какого-то рисунка или оставив знаки на поверхности соли. Прюделав это, он вернулся к компьютеру.

Увы, все его эксперименты с наложением различных фильтров, отсечением и усилением разных частот так и не позволили разобрать слова. Они доносились словно сквозь вату (кажется, внутри стенок морозильной камеры действительно есть какой-то теплоизолирующий материал?) Но одно открытие он все же сделал - не только шепот и плач накладывались друг на друга, но и сам шепот, похоже, принадлежал как минимум двум голосам.

Со всем этим Стивен провозился несколько часов, почти до рассвета, и в итоге сам не заметил, как заснул прямо за компьютером. Проснулся он только за полночь. Все тело, а особенно шея и затылок, ныли от сна в неудобной позе. Перед ним светился экран компьютера с изображением разложенного на гармоники звукового файла. Стивен мысленно выругал себя за лишний расход электроэнергии, затем подошел к холодильнику и проверил результаты своей идеи - но ни на льду в блюдце, ни на соли в тарелке никаких таинственных знаков не оказалось. Позавтракав без особого аппетита, он вернулся к компьютеру. Теперь, по крайней мере, голос из холодильника не мешал ему вслушиваться в результаты работы программы, а кроме того, он составил таблицу звучания слогов английского языка, отложив по горизонтали гласные, а по вертикали согласные (звуки, а не буквы), и наговорил их в микрофон, чтобы сравнивать, как выглядят графики. Это заняло не так уж мало времени, но в итоге Стивену показалось, что он все же может разобрать некоторые слова. "Help", "rest", "live", "death", "vision", "inner", "wait for", "cold"... но главное - "avoid Trevor", что заставило Стивена похолодеть даже больше, чем первое осознание того факта, что он слышит голоса мертвых. Дело в том, что Тревором звали его домовладельца.

Неужели он и есть тот самый маньяк?!

Совсем не обязательно, сказал себе Стивен после первого всплеска лихорадочного возбуждения. Мало ли на свете - и даже в их городке - Треворов. Но если призраки из холодильника заговорили именно тогда, когда оказались в доме, арендуемом у Тревора, и при

этом предупреждают "избегать Тревора", то не слишком ли подозрительно это совпадение?

О своем домовладельце Стивен знал лишь немногим больше, чем о своих соседях. Вживую они не виделись уже несколько лет - Стивен платил аренду через интернет и все вопросы типа той же замены холодильника решал e-мэйлом. Но это вообще неважно - порою даже члены семьи серийного убийцы не догадываются о его "хобби"! Общая черта всех маньяков - они не похожи на маньяков, именно поэтому их так трудно поймать...

Но не были ли все эти расшифровки лишь игрой его подсознания, порождением той самой парейдолии? Он всего лишь пытался интерпретировать невнятный, приглушенный шепот, налагавшийся при этом на другой шепот. Где, как минимум, все звонкие согласные звучали как глухие. Так что слово, в котором ему померещилось, например, "death", могло на самом деле означать "tenth" или даже "tooth". А "cold" - естественно думать о холоде, слушая голоса из холодильника, но на самом деле это могло быть, например, "gold"... хотя едва ли призрака волнует золото. Скорее уж "called". Или "caught". Или даже "god". Если, конечно, это вообще английский, в чем Стивен по-прежнему не был уверен.

Но если предположить, что он интерпретировал правильно, то слова укладывались в более-менее осмысленную картину. Призраки ждут помощи, чтобы обрести покой (ну, это для них вообще обычное дело, если верить историям о призраках), хотят поведать не то об обстоятельствах своей смерти, не то о тайнах жизни и смерти вообще, и обещают, что Стивен увидит нечто внутреннее... а может быть, призывают его покарать грешника (sinner) или даже шкуродера (skinner) - если, допустим, маньяк сдирает кожу со своих жертв. И, само собой, предупреждают насчет Тревора. Который может быть как самим шкуродером, так и его пособником - кто сказал, что серийные убийцы всегда действуют в одиночку?

Придя к этим выводам, Стивен попытался сохранить плоды своих трудов, но программа выдала сообщение, что в бесплатной версии сохранение невозможно. Брук грубо выругался. Вот же твари, мало им было ограничения по времени! И ведь, главное, могли бы предупредить сразу, что демоверсия не дает сохранить результаты! Хотя расчет, конечно, понятен - пользователь, потративший на работу несколько часов, не захочет потерять их понапрасну и купит полную версию охотнее... Натуральный рэкет, вот что это такое! Обозлившись, Стивен все-таки полез в интернет искать пиратский ключ и в итоге даже нашел таковой. Но после его ввода программа вывалилась с сообщением об ошибке.

Таким образом, все его труды пропали впустую.

Однако он уже понял, что должен делать.

Компьютер ему не поможет. Не поможет даже стетоскоп, если он купит таковой, чтобы выслушивать холодильник более качественно, чем прижимая к нему ухо или телефон. И даже если он оставит телефон, включенный на запись, внутри - он не сможет таким образом установить контакт, к которому стремится. В лучшем случае он более четко услышит те же повторяющиеся фразы, которые и так уже почти разгадал - но это будет все. Они не дадут ему доказательств против Тревора, которые можно предъявить полиции. Не дадут постигнуть тайны жизни и смерти.

Он должен забраться в холодильник сам. Его ждут там, внутри - wait и inner, скорее всего, означают именно это. Забраться туда ночью и закрыть за собой дверь.

От этой мысли его вновь пробрал холодок страха. Но не потому, что его пугала сама мысль об общении с душами мертвых. Клаустрофобией он тоже не страдал и уже понял, что, при своей худощавой комплекции, втиснуться в холодильник сможет, хотя для этого и придется скрючиться в позу эмбриона. И все же от мысли о том, чтобы закрыться в холодильнике (причем работающем - он ведь помнил, что будет, если его отключить), Стивену делалось неуютно. Все эти погибшие дети... сколько он ни говорил себе, что его холодильник совсем другой конструкции, и открыть дверь изнутри в любой момент не составит никакого труда, отделаться от неприятных ассоциаций не удавалось. А если, к примеру, холодильник упадет, когда он будет

внутри, причем прямо на дверцу? Хватит ли у него сил, в его скрюченной позе, чтобы выбраться? Хотя, конечно же, с какой стати ему падать, свалить его могло бы разве что небывалой силы землетрясение, каких во Флориде просто не бывает - но это если рассматривать только материальные причины. Не стоит забывать, что он все же собирается иметь дело с потусторонними силами. Которые, если верить многочисленным фильмам и рассказам в жанре хоррор (в том числе и за авторством самого Стивена), способны перемещать достаточно тяжелые предметы, а также запирают двери, которые персонажу хочется открыть, даже если на них нет замка. А ведь из холодильника уже даже 9-1-1 не позвонишь. Сигнал не пройдет уже по чисто физическим причинам.

С другой стороны, с чего бы призракам вести себя враждебно? Ведь он собирается им помочь, и они сами его об этом просили! И даже предостерегли насчет Тревора...

И все же идея закрыться в металлическом шкафу, где будет холодно, темно и мало воздуха, посреди ночи в пустом доме, без какой-либо подстраховки, Стивену интуитивно не нравилась. Может, все же не стоит делать это в ближайшую ночь? Дождаться возвращения соседей?

Ну и что он им скажет, в таком случае? Он даже не знает, как их зовут. Мужчина, кажется, не то Дэйв, не то Дэниэл. Во всяком случае, точно не Тревор, что уже хорошо... но все равно, как бы это выглядело? "Привет, Дэйв, ой извини, Дэниэл, мы вообще-то раньше почти не общались, - Стивен, прежде чем выйти из дома, всегда высматривал в щелку между жалюзи, нет ли во дворе соседей, чтобы не столкнуться с ними и избежать идиотского диалога "привет, как дела?"; однажды он просидел так больше часа, дожидаясь, пока Дэйв-Дэниэл закончит стричь газон, и мысленно кроя соседа последними словами, - так вот, я решил это исправить, почему бы тебе не зайти ко мне в гости сегодня, точнее, уже завтра, в 1:27 ночи, чтобы посмотреть, как я залезу в собственный холодильник, чтобы поговорить там с призраками - которых, кстати, возможно, убил наш домовладелец?"

Нет, определенно плохая идея. Он все должен сделать сам, один. И только когда у него будут железные доказательства, когда он узнает то, что никак не мог бы узнать материалистическим путем...

К тому же, когда Стивена что-то волновало, он желал, чтобы это свершилось как можно скорее - так или иначе. Ожидание было для него невыносимо.

Перспектива холода там, внутри, его тоже не радовала. Стивен вообще сильно не любил холод, потому и жил во Флориде. Зимней одежды у него не было. Была, правда, куртка, которой он пользовался в январе-феврале, когда даже во Флориде выпадает несколько холодных дней, и под утро температура может опускаться примерно до того же уровня, что и в основном отсеке холодильника. Но эта куртка была достаточно громоздкой, и Стивен понял, что в ней забраться внутрь и закрыть за собой дверцу не получится - или, по крайней мере, это будет сильно неудобно. Сколько времени он сможет продержаться на холоде без нее - и сколько понадобится на общение с призраками? Пожалуй, в той самой позе, прижав колени к груди и обхватив их руками, мерзнешь не слишком быстро. Да и потом, кто сказал, что сеанс должен быть непрерывным? В крайнем случае он сможет вылезти, согреться, а потом залезть обратно, почему нет? Он ведь уже знает, что голоса призраков, исчезающие, когда отковылаешь дверцу, через некоторое время начинают звучать снова.

Все же кое-какие меры предосторожности он принял - а именно, написал красным фломастером на стикере: "Если вы читаете это, зайдите в мою комнату (дверь открыта) и проверьте холодильник. Ваш сосед Стивен" - потом задумался, скомкал и выбросил бумажку и написал другую, более убедительную: "Если вы читаете это, значит, мне нужна помощь. Вызовите полицию, пусть осмотрят мою комнату, начиная с холодильника. Ваш сосед Стивен. PS Не сообщайте Тревору, пока полиция не закончит." и вечером прилепил это послание на стекло соседской двери. Главное, подумал он с усмешкой - не забыть его отклеить, если все

пройдет благополучно.

После заката натянуло тучи, но Стивен, не выходявший из дома, не замечал этого до тех пор, пока (уже незадолго до полуночи) не загремел гром - пока еще в отдалении, но Стивену это не понравилось. Иногда во время грозы вырубается электричество. Что, если это случится, когда он будет внутри? Ему самому это, видимо, ничем не грозит - то же самое, что и выдергивание штепселя, притом, что в этом случае он будет ни в чем не виноват - но если улица останется обесточенной до утра, это испортит ему весь опыт. Лучше бы гроза прошла стороной - или, по крайней мере, не начиналась, пока он не закончит... Он открыл холодильник и принялся вытаскивать продукты, а затем и полки. Все должно быть готово заранее, чтобы не терять времени, когда призраки подадут голос. Затем он погасил свет в комнате - он не знал, важно ли это призракам, но привычка к экономии уже въелась в подсознание - и стал ждать.

В 1:33 - гром периодически погромыхивал, и сквозь жалюзи сверкали зарницы, но дождя все не было - Стивен услышал плач. Тот показался ему даже более жалобным, чем прежде.

- Сейчас, - сказал Стивен. - Потерпи еще немного. Я иду.

Он открыл дверцу - как и прежде, звуки сразу прекратились - и, как был в футболке и шортах, полез в холодильник.

Прикосновение к внутренним стенкам в первый момент показалось ему не таким холодным, как он ожидал, но внутри было очень тесно. Пришлось низко нагнуть голову, и все равно блок, где находилась ручка регулировки и лампа подсветки, давил ему сверху на затылок. Стивен подобрал конечности, стараясь сжаться как можно компактнее, дабы дверца точно закрылась - а затем, ухватив эту дверцу за одну из пустых полок, потянул ее на себя.

Свет погас. Когда-то в детстве Стивен верил, что свет в холодильнике горит всегда, пока не заметил, как тот гаснет в самый последний момент перед закрытием двери. Теперь он увидел, как это происходит изнутри. И остался в полной темноте, холоде и тишине.

Но тишина была недолгой.

Сперва он услышал шепот. Поначалу неразборчивый, но куда более многоголосый, чем казалось снаружи. И он нарастал, словно невидимая, но огромная волна, накатывающаяся из тьмы на морской берег. А потом, перекрывая весь этот шум, зазвучал плач - только теперь это был не плач. О, как наивен был Стивен, принимая эти звуки за плач! Это был злобный, безумный, издевательский хохот, в котором не было ничего человеческого.

Стивен буквально оцепенел от ужаса при звуках этого оглушительного хохота, затем рефлексивно попытался зажать уши руками - но понял, что не может этого сделать. Накатывающаяся вместе со всеми этими звуками волна холода - не того, который можно ожидать в основном отсеке холодильника, даже не того, который бывает в морозильной камере, а гораздо, гораздо более страшного - лишила его способности двигаться, словно все его конечности обратились в лед - но при этом не онемели, а сохранили полную чувствительность. Он не мог даже дотянуться до дверцы, находившейся в паре дюймов от его руки. Впрочем, находившейся ли? Стивен понял, что больше не чувствует стенок холодильника вокруг. Он ощутил беспомощный ужас падения - только падал не вниз, а вверх, туда, где прежде была морозильная камера, а теперь, похоже, разверзалась бездна без границ и пределов, в которой не было ничего, кроме холода и тьмы. И его втягивало в эту бездну, как в гигантскую воронку, навстречу тысячам, миллионам, миллиардам голосов, которые шептали, бормотали, хрипели, визжали на все лады и на всех языках - но теперь Стивен ясно различал английские слова, звучавшие в этом чудовищном хоре:

"No help! No rest! No relief after death! No division into sinners and righteous! Same fate for all! Nothing but the eternal cold! Eternal cold in endless void! Forever!"²

² Никакой помощи! Никакого покоя! Никакого облегчения после смерти! Никакого деления на грешников и праведников! Одна участь для всех! Ничего, кроме вечного холода! Вечный холод в бесконечной пустоте! Навсегда!

И в ужасе, несравнимом ни с каким из чувств живых, Стивен понял, что и сам должен повторять эти слова, повторять их снова и снова, несмотря на то, что его язык примерз к гортани, а губы склеил лед.

Когда-то он прочитал рассказ под названием "У меня нет рта, но я должен кричать". Теперь он узнал, каково это на практике.

Помощник шерифа Даг Корбин и редактор городской газеты Гил Розарио сидели за столиком в "Эпплби Гриль+Бар". Полицейские нередко недолюбливают журналистов, считая, что те вечно путаются под ногами, обвиняют полицию во всех грехах, от бездействия до чрезмерного насилия, и в погоне за сенсацией публикуют информацию, прямо вредящую расследованиям. Но так дело обстоит в больших городах, где жизнь (в том числе и криминальная) бьет ключом. В маленьких же городках, где жизнь тиха и монотонна, люди, регулярно сталкивающиеся по работе, а особенно еще и живущие при этом по соседству, куда чаще становятся добрыми приятелями, нежели врагами. Корбин и Розарио знали друг друга уже добрые два десятка лет, вместе играли в гольф, дружно болели за школьную бейсбольную команду, в которой играли сыновья обоих (теперь уже выросшие и уехавшие из города), а уж пропустить пару стаканчиков в баре субботним вечером давно уже стало для них чуть ли не святой традицией. Если во время таких посиделок Корбин рассказывал что-нибудь, предупреждая, что это "не для печати", Розарио неизменно соблюдал это правило.

По одному стаканчику они уже успели осушить и сейчас сидели над вторыми. Негромко играла музыка, бывшая модной в 1980-х. Со стороны бильярдного стола доносился сухой стук шаров.

- Первой его почуяла соседская собака, - рассказывал Корбин. - Принялась выть целыми днями, чего, по словам хозяев, с ней никогда прежде не бывало. Они даже возили ее к ветеринару. Ну а потом и сами почувствовали запашок...

- Трупный? - понимающе кивнул Розарио.

- Нет, - покачал головой помощник шерифа. - Гниющих овощей и фруктов, которые он выставил из холодильника. Они позвонили домовладельцу, а тот уже вызвал полицию.

- Дверь была не заперта, ведь так?

- Так.

- Тогда почему ты так уверен, что это не убийство? Теоретически кто угодно мог войти туда и сделать это с ним. Особенно когда его соседи были в отъезде и вокруг не было ни души.

- Вижу, ты хорошо изучил обстоятельства дела, - улыбнулся Корбин.

- Работа такая.

- У меня тоже, - усмехнулся помощник шерифа. - Но, Гил, жаль тебя разочаровывать, но вряд ли ты поднимешь на этом деле тираж своей газеты. Нет никаких следов насилия. Никто его в этот холодильник не заталкивал. А если бы даже и да - ему бы ничего не стоило выбраться оттуда. Но он даже не пытался. Экспертиза нашла пару отпечатков на внутренней стороне дверцы, но они могли быть оставлены только когда он тянул ее на себя - то есть закрывал.

- Возможно, он прятался там от кого-то? Пока не потерял сознание...

- Выставив наружу все продукты и полки так, что они первым делом бросались в глаза всякому, кто войдет в комнату? Отличный способ спрятаться.

- Ну а если его убили где-то в другом месте, а потом перетащили в этот холодильник?

- Тоже исключено, - покачал головой Корбин. - В холодильнике найдены следы...

физиологических выделений. Он умер там, вне всяких сомнений.

- Значит, все-таки самоубийство?

- Во всяком случае, он сделал это сам. Хотел он в результате умереть или нет, утверждать не берусь. Знаешь, бывают извращенцы, которые душат себя, чтобы получить оргазм. Они-то не намерены доводить дело до конца, но нередко такой секс оказывается для них последним.

- Но Брук был одет.

- Да, хотя и довольно легко для того, чтобы сидеть в холодильнике. Но голым он точно не был, и нет никаких признаков, что он полез туда подрочить. Никаких следов алкоголя или наркотиков мы тоже не нашли - ни в его крови, ни в его жилище.

- Тогда зачем? Записки он ведь тоже не оставил?

- Возможно, и оставил, - признал Корбин. - Уже после того, как его нашли, его соседи признались, что, когда они вернулись домой вечером Дня Труда, они увидели какую-то бумажку, наклеенную на их дверь. Возможно, это и была предсмертная записка Брука. Но в ночь его смерти шел сильный дождь, текст полностью размыло. Может, экспертиза бы и помогла его восстановить, но соседи просто выкинули эту бумажку. На тот момент они ведь не думали, что она может быть важна... Лично я думаю, что парень просто не дружил с головой. Ты ведь знаешь, кем он был по профессии? Или, по крайней мере, кем себя считал.

- Писатель в жанре ужасов, - кивнул Розарио. - хотя и не особенно успешный.

Единственная публикация в сборнике подражателей Лавкрафту, остальное - рассказы на второсортных сайтах и в фэнзинах. Кажется, у него даже не было агента. Финансовые его дела тоже шли из рук вон плохо - достаточно взглянуть на жилье, которое он снимал. В принципе, все это тянет на повод для самоубийства - но почему таким экзотическим способом?

- Я же говорю - они все ненормальные, эти авторы ужасиков. Успешные, неуспешные - без разницы. Начиная с Эдгара По и кончая всеми современными. Я как-то попробовал почитать этого твоего Лавкрафта - это же бред болезненный! Психически здоровому человеку такое в голову никогда не придет! Может, этот Брук таким образом вдохновения искал, не знаю. Думал, что если подольше посидит в холодильнике, высидит бестселлер. Или это у него перфоманс такой был.

- Перфомансы - это у современных художников, - возразил Розарио.

- А, все они чокнутые! - махнул рукой Корбин и залпом допил свой стакан.

Редактор тоже сделал несколько глотков.

- Значит, - произнес он после паузы, - дело закрыто?

- Ну, в общем, да. Хотя... - глаза помощника шерифа блеснули от выпитого, а под флоридским загаром проступил румянец, - есть тут, в принципе, кое-что странное. Но об этом ты писать не будешь. Особенно - ссылаясь на меня. Да и не на меня тоже. Городской полиции не нужна репутация... рассказчиков сомнительных историй.

- Как и нашей газете, - заверил его Розарио. - У нас солидное консервативное издание, а не бульварный листок. Мы даже извинялись за "OMG³" в заголовке, причем это было во время моего отпуска. Так что за странность? Только между нами, само собой.

- Видишь ли, хотя тело, когда его достали, уже успело подгнить - сам понимаешь, в нашем климате это быстро - судмедэксперт уверен, что причина смерти - переохлаждение.

- Парня достали из холодильника, не так ли?

- Да, но - на самом деле человек не может замерзнуть в обычном бытовом холодильнике! Типовая температура там - порядка 40 градусов⁴. Да, это все еще достаточно холодно для парня в шортах. Но это если он на улице. А если в таком маленьком объеме... человеческое тело, на самом деле, выделяет много тепла. Когда оно живое, разумеется. Если этому теплу некуда рассеиваться, то холод снаружи не страшен. Поэтому туристы в спальнях мешках спокойно спят на морозе. Холодильник, по сути, тот же мешок, только с твердыми стенками. Ну то есть, если очень долго сидеть там без еды, то рано или поздно замерзнешь, наверное - человек ведь не вечный двигатель. Но задохнешься - гораздо раньше. Воздуха там очень мало, учитывая, что

³ Oh my God! (Боже мой!) Религиозные ортодоксы считают, что это восклицание и даже его аббревиатура нарушают заповедь "не поминай Господа всуе". Автор видел письмо, возмущенное таким заголовком, в одной из провинциальных газет - правда, газета опубликовала его без комментариев.

⁴ По Фаренгейту; около +5 по Цельсию.

тело взрослого человека занимает почти весь внутренний объем. Так что причиной смерти должна быть асфиксия, а не переохлаждение. Собственно, в официальном заключении о смерти записано именно так. Патологоанатом не хочет рисковать своей репутацией, и мы все хотим поскорее закрыть это дело. Но неофициально он сказал мне, что этого парня словно выкинули голышом в Антарктиду. Или еще куда похуже. То есть, формально говоря, да, причиной смерти можно считать асфиксию. Но не такую, какая бывает от сидения в закрытом металлическом ящике. А просто легкие у парня в таком состоянии, словно он подышал жидким азотом из сосуда Дюрера.

- Дьюара.

- Неважно. Важно, что в бытовом холодильнике в принципе не могло быть *такого* холода.

А в особенности в этом.

- Почему в особенности?

- Это самое странное во всей истории. Ты не обратил внимания на мои слова, что тело уже подгнило, когда его достали?

- Я подумал, это потому, что +40 - это все-таки не мороз.

- Не было там никаких плюсов сорока! Были плюсы восемьдесят⁵ или сколько у нас обычно бывает в комнате. Этот холодильник был неисправен! Утечка хладагента. Компрессор работал, но вхолостую.

- Так это, наверное, случилось уже после смерти Брука?

- То-то и оно, что нет. Экспертиза показала, что трещина, вызвавшая утечку, судя по состоянию ее краев, образовалась уже давно. Видимо, холодильник был неисправен уже на момент покупки Бруком, хотя в магазине подержанной техники, продавшем его, заверяют, что все проверяли.

- Эти заверят, да... Но почему Брук не попытался вернуть явно неисправный товар? И, главное, откуда в таком случае взялся холод? Тем более - *такой* холод? Ты абсолютно уверен, что Брука не могли заморозить где-то в другом месте? В какой-то промышленной установке... хотя понятия не имею, где и зачем...

- Абсолютно. Когда он оказался в холодильнике, он был живой и теплый.

- Тогда как все это объяснить?

Помощник шерифа помолчал, затем поднял за горлышко бутылку бренди, где оставалось уже немного, и снова наполнил стаканчики.

- Я не знаю, - сказал он. - Давай лучше выпьем.

2022